

В. Ф. НЕФТЕЛЬ — ОГАРЕВУ

Публикация И. М. Бархаша

Василий Федорович *Нефтель* (1829—1906) — врач, лечивший Огарева и семью Герцена (см. «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой. Л., 1929, стр. 309—311).

Нефтель родился в Риге, в купеческой семье; в 1852 г. он окончил Медико-хирургическую академию в Петербурге и после двухлетней службы в госпиталях под руководством Н. И. Пирогова и С. П. Боткина принял участие в Крымской кампании в качестве военного врача.

В 1861 г. Нефтель уехал за границу и остался там, продолжая изучать медицину в Берлине, Париже и Лондоне. В 1864 г. он переехал в Америку и с 1868 г. окончательно поселился в Нью-Йорке. Один из наиболее квалифицированных врачей своего времени, Нефтель пользовался у пациентов большим авторитетом и доверием.

Был ли Нефтель до эмиграции связан с революционными кругами русской интеллигенции — неизвестно. Неизвестно также, почему Нефтель уехал из России.

В публикуемом письме к Огареву от 7 февраля 1870 г. он сам заявляет, что своим идейным и политическим развитием был обязан Герцену.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, 5770, оп. 1, ед. хр. 158). См. также ниже в настоящем томе аннотации к остальным письмам Нефтеля.

1

Liverpool, England
6 мая 1867

Любезный Огарев. С тех пор как я уехал в Америку, я прекратил все сношения с Россией и русскими, с тех пор не читал еще ни одной строки по-русски, — так что, вероятно, забыл русскую орфографию. Поэтому можете себе представить, как я обрадовался вашему письму. Предо мной вдруг воскрес целый ряд воспоминаний, давно забытые мечты и обманутые надежды, и я долго, долго не мог придти в себя. Но расскажу вам лучше свои похождения. По приезде в New-York я совершенно было растерялся, не знал, с чего начать; да и сам город и его население произвели на меня дурное впечатление. К тому же заболели жена и ребенок. Тогда, не думая ни минуты, пока еще не истощились последние гроши, мы пустились дальше на запад и поселились в Цинциннати, городе с 250 000 жителей, с большими фабриками и цветущей торговлей. После излечения нескольких трудных больных, несправедливо считавшихся неизлечимыми, и после нескольких удачных операций (американцы судят о достоинстве врача только по успешному и скорому лечению — другого критерия у них нет) я очень скоро не только приобрел самую большую и люкративную * практику в городе, но и из других штатов стали многие приезжать ко мне за советом. Приходилось очень сильно работать, и я во все время моего пребывания в Цинциннати ни разу не выпался, так что здоровье мое значительно пострадало. Если б у меня было побольше

* прибыльную, доходную (от франц. «lucrative»).

выдержки и я мог бы остаться безвыездно еще несколько лет в Цинциннати, то я и мое семейство были бы обеспечены в денежном отношении на всю жизнь. Но мы решительно не в состоянии выдержать больше и ремся в Европу, чтоб отдохнуть, освежиться от этого непрерывного struggle for life *. В Америке все так различно от того, к чему мы привыкли с детства, — от климата до нравов, — что никак нельзя привыкнуть сразу. Мы останемся в Европе до сентября (в Берлине, Вене, Лондоне и Париже). В Ливерпуле я нашел у доктора Роде два номера «Колокола»: они произвели и приятное и грустное впечатление. Я тут в первый раз узнал, что в России суд присяжных etc., но тут же читаю имена Адлерберга, Каткова, Тульчинская агенция, Мартьянов в каторге ¹. Как медленно Россия подвигается вперед!..

В последние годы, любезный Огарев, я часто с большим успехом употребляю в эпилепсии большие приемы бромистого калия (bromkalium); не попросите ли кого-нибудь из знакомых врачей давать вам это средство? Мой искренний поклон вашим, Александру Ивановичу и его семейству. С большим удовольствием прочитал я его письмо Тургеневу².

Преданный вам

В. Нефтель

¹ Сообщение о судьбе П. А. Мартьянова Нефтель мог прочитать в статье Герцена «Жаль», напечатанной в л. 239 «Колокола» от 15 апреля 1867 г. (XIX, 267).

² О каком письме идет речь, с достоверностью сказать нельзя. Возможно, Нефтель ошибся, имея в виду письмо Герцена не к Ивану Сергеевичу Тургеневу, а к Ивану Сергеевичу Аксакову, появившееся в л. 240 «Колокола» от 1 мая 1867 г. (XIX, 278—291). В этом письме Герцена речь идет также о Каткове и «Тульчинской агенции», которые упоминаются Нефтелем.

2

126 West 42d St.
New-York. 7 февраля 1870

Любезный Огарев.

Сейчас прочел я в газетах, что Герцен умер.

От всей души разделяем ваше горе. Я никогда в жизни не встречал личности симпатичнее его, и время, проведенное мною в его обществе, навсегда останется лучшим моим воспоминанием.

История отдаст ему справедливость. Он был единственный человек, разбудивший Россию от летаргического сна, и я вместе со всеми другими чувствовал над собой его могущественное влияние. Ему обязан я, — и я уверен вся новейшая генерация России, — своим политическим и религиозным развитием¹.

При всем нашем горе утешаюсь мыслью, что со смертью Герцена прекрасная его личность выступит рельефнее, пред которой даже низкие враги его должны будут умолкнуть.

Преданный вам

В. Нефтель

¹ Нефтель имеет в виду *идейное* развитие.

* борьбы за существование (англ.).

БУДУЩНОСТЬ.

(Посвящается памяти А. Герцена)

«Мы памятник иной тебе поставим
Движение народной русской воли».

Первый раз *Колокол* 1867 года начался программой:

«Освобождение слова — от цензуры!

Освобождение прессы — от помещиков!

Освобождение податного сословия — от «лоббизма»!

В том же году Александр II, из речи к Московскому дворянству, говорил: «Господа, лучше чтобы *эти* перемены сделались сверху нежели снизу».

Прошло с тех пор 13 лет.

Много совершилось печального. Народны сверху оказали лояль, остались только ждать перемены снизу.

Главны двать *Колокола* — Александр Николаевич Герценъ — сошелъ въ могилу. Я не стану говорить на сколько велика эта потеря. Для этого я поставлю особая статьи. Здесь я скажу только, что русское слово вышло своего лучшего дитя. А продолжать его работу, я считаю нашей обязанностью.

Теперь главный вопросъ въ томъ — каки можетъ быть послѣдствя нашей работы? Ея я и хочу опредѣлить.

Русскя перемены сверху — означалъ такыя же ничтожныя, какъ и всякия другя перемены сверху. Перемены, или лучше сказать — передвижы, могутъ сделатъ только тогъ, кто что въ своемъ дѣлѣ хочетъ, кому нѣтъ въ самомъ дѣлѣ, составляетъ потребность, т. е. народъ, большинство, масса. Иначе — это всегда выдѣтъ обманъ. Что подразумѣвалъ Александръ II подъ словомъ — *эти перемены*?

— Это была только каменныя надгробныя для народа, которыя долсъ не могли удовлетворить — помещиковъ. Раздорились все. Услѣнились въ водвореннои обаянъ — только позуривши подати. Въ вылазкѣ на все что возможно. Стало, мужикъ — равно помѣщичи и казенный — ждѣть еще разъ своего освобожденя. Но его нѣтъ можетъ достигнуть уже только снизу. Онъ же стоитъ за свое общинное (сещивное) владѣние, между тѣмъ какъ чиновничеству:

Grave. — Imp. Sertinski.

Н. Огаревъ.

починичеству и вообще императорству — его хотѣлось бы разурочить. Это очевидно на всѣхъ правительственныхъ распоряженъ и въ всѣхъ буржуазно-помещичьихъ гласнѣ.

Что-же вы поставили во главѣ нашего начиня?

Мы можемъ поставить только слѣдующе вопросы:

1) Народъ, требующъ земли и воли. Вѣсть онъ, можетъ немъ свое дело и все само волю — только самъ, то есть снизу, а не сверху. Вѣрьте — обманчивъ. Вѣрьте — ложливъ, вѣрьте — чиновокъ, вѣрьте — царь. Тотъ самый царь, который нашего друга — мужа Мартинаова удерживалъ на кагорѣ за его страшную ошибку, за вѣру въ земскои царь. Само дело и воля отстоятъ только самому народу, то есть — снизу. А тѣмъ и посмотримъ что будетъ. Конечно уже хуже не будетъ.

2) Вся земля русскя — была народная, земля мужицкая, земля общинная, земля чужа, кто на ней работаетъ. А люди, которые вывѣтъ на чужой трудъ — имѣть не нужно; ихъ надо доволъ. А не хотѣтъ идти войнъ — пусть сами идутъ въ крестьянскую общину и владѣвають такой-же помещичьей участю, какъ и всѣ крестьяне.

3) Также и фабричная работа долсъ быть общинная (артельная). Работай кто сможетъ и поцуй свой удачъ. А хозяина вѣсть сами поступаютъ въ работѣ, или идутъ войнъ.

4) Чиновокъ нѣтъ не надо; старина, привазились правительствомъ намъ не надо; правительствя царскаго или какого иного намъ не надо. Управлять могутъ только выборыя народомъ люди.

5) Судить могутъ тоже только выборыя народомъ люди.

6) Будетъ-ли Россія сполна въ одно государство, или раздѣлена на области, на удѣлы — это для насъ равнодушно. Мы даже лучше хотѣтъ, чтобы она раздѣлялась на области, изъ которыхъ каждая воля управлялась какъ знаетъ, лишь бы не одно царлимератора, а только выборыя управление снизу.

7) Ресурсыя не надо, а тѣмъ въ случаѣ неизбежной войны — ополченя. Народъ лучше съумѣетъ отстоятъ свою самостоятельность, чѣмъ всякъ Суворовъ, которые все-же вѣеко гудя въ поавичью скавалъ.

Мы отъ выше сказанныхъ преданъ не отстанемъ. Приносите — кто хотѣтъ и сполнитесь дружно. Еще разъ повторимъ, возване Герцена, что мы зовемъ живыхъ: *живо восо!*

ЛИСТОВКА ОГАРЕВА «БУДУЩНОСТЬ». ПОСВЯЩЕНА ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА, 1870 г.

Институт Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина при ЦК КПСС, Москва